

АРХИЕПИСКОП НИКАНОР (БРОВКОВИЧ) О ВРЕДЕ ИДЕИ ПРОГРЕССА И ВЕРОЯТНОЙ ПОЛЬЗЕ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ*

А. П. СОЛОВЬЕВ

Статья представляет собой предисловие к публикации поучения архиепископа Никанора (Бровковича) при освящении зданий железнодорожного вокзала в Одессе (1884). В статье выявляется, что как представитель духовно-академической философии архиеп. Никанор пытался решить вопрос о смысле и негативных аспектах общественного и технического прогресса с позиций своей гносеологической концепции, основой которой является различение разума и рассудка, идеи и понятия. Делается вывод о том, что, согласно архиеп. Никанору, именно рассудочные концепции обосновывают необходимость «утилитарного» прогресса. Также определяется идейный контекст критики прогресса, железных дорог архиеп. Никанором и личные мотивы его неприятия быстрых способов передвижения.

Имя архиепископа Никанора (Бровковича) (1826–1890) известно в истории русской философской мысли благодаря статье К. Н. Леонтьева «Епископ Никанор о вреде железных дорог, пара и вообще об опасностях слишком быстрого движения жизни» (1885). В этой статье приводится обширный отрывок из поучения архиеп. Никанора, сказанного при освящении железнодорожного вокзала в Одессе. Комментируя позицию архипастыря, К. Н. Леонтьев характеризовал его поучение следующим образом: «Это луч божественного света в сатанинском хаосе индустриального космополитизма и современного вавилонского *всесмешения*»¹. Антилиберальные позиции, несомненно, сближали воззрения архиеп. Никанора и Леонтьева.

Известна история знакомства Леонтьева с поучением архиеп. Никанора о железных дорогах. Ее приводит Григорий Иванович Замараев — один из членов юношеского кружка, собиравшегося у Леонтьева. Комментируя обособление от кружка одного из знакомых, Леонтьев в запальчивой мечтательности сказал:

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Философия архиепископа Никанора (Бровковича) в контексте истории русской мысли XIX–XX веков», проект № 12-03-00033а. Автор выражает благодарность А. И. Резниченко за ценные советы и замечания.

¹ Леонтьев К. Н. Епископ Никанор о вреде железных дорог, пара и вообще об опасностях слишком быстрого движения жизни // Полное собрание сочинений: В 12 т. СПб., 2007. Т. 8. Кн. 1. С. 150.

«Вы подумайте только: Ванечка, человек образованный, кончил курс в университете, кончит скоро и в академии, дворянин, со средствами, и вот вы представьте себе такого священника или, может быть, архиерея в облачении, поучающего народ на молебне при открытии какой-нибудь железной дороги. “Помолимся, мол, братья, о путешествующих, чтобы им не погибнуть, но не будем особенно радоваться появлению у нас чугунных дорог, как и всякому вообще утилитарному прогрессу, а рассмотрим лучше, сколько вреда приносят нам все эти дороги”. Разве это не была бы такая именно проповедь пастыря к своей пастве, какая теперь нужна?»² Как отмечал Замараев, это высказывание Леонтьев произнес еще до публикации поучения архиеп. Никанора.

История продолжилась позже. Замараев писал: «Прошло после этого несколько месяцев — не помню, сколько именно, но не более двух или трех — заходит ко мне однажды с книжкой в руках тоже уже покойный теперь Петр Евгеньевич Астафьев³. — А, батюшка, нате-ка прочтите, — говорит он мне, передавая книжку журнала “Православное Обозрение”, — вы только вникните хорошенько, что сказано и как сказано преосвященным Никанором при освящении нового железнодорожного вокзала в Одессе. Ведь это, батюшка, бесподобно: и научно, и доказательно, и сжато так, что ни капли риторики... Я прочел поучение с глубочайшим интересом и тут же не мог не припомнить нашей беседы с К. Н. Леонтьевым, мастерски нарисовавшим мне ту самую картину и ту обстановку, при которой наш Ванечка должен был бы говорить именно то, что так прекрасно сказано было преосвященным Никанором. Когда я напомнил об этом Константину Николаевичу, то он ответил мне замечательно просто: “Ну: вот видите? а я так и позабыл совсем об этом; но от души порадовался поучению преосвященного... А вы, мои милые друзья, все зеваете и зеваете”, — прибавил он с оттенком искренней грусти⁴. Подобного рода предчувствия были свойственны для Леонтьева. Но эта история характеризует и один из интереснейших аспектов восприятия идей архиеп. Никанора со стороны двух консерваторов, православных персоналистов и одновременно оппонентов — К. Н. Леонтьева и П. Е. Астафьева...

Для истории русской философии важны, конечно же, не только поучения, но и те труды архиеп. Никанора, которые выражают его философскую систему в целом. Это, в первую очередь, трехтомный труд «Позитивная философия и сверхчувственное бытие» (1-й т. — 1875 г., 2-й т. — 1876 г., 3-й т. — 1888 г.). Тот же Леонтьев упоминает это сочинение, ошибочно называя его «Позитивизм и

² Замараев Г. И. Памяти К. Н. Леонтьева // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1 / А. А. Корольков, вступ. ст., А. П. Козырев, сост., послесл., примеч. СПб., 1995. С. 201–202.

³ Петр Евгеньевич Астафьев (1846–1893) — русский философ, психолог и публицист, представитель русского неолейбнианства, разрабатывал персоналистическую философию в духе монадологии Г. В. Лейбница. С 1885 по 1890 г. заведовал университетским отделением Лицея в память Цесаревича Николая. В 1890–1893 гг. — приват-доцент Московского университета. Основные работы: «Понятие психического ритма как научное основание психологии полов» (1883), «Психологический мир женщины, его особенности, превосходство и недостатки» (1890), «Вера и знание в единстве мировоззрения (Опыт начал критической монадологии)» (1893).

⁴ Замараев. Указ. соч. С. 203.

Христианство»⁵. Труд архиеп. Никанора действительно посвящен критике позитивизма, но критике с позиций более глубокого, чем у самих позитивистов понимания «позитивной» методологии. Это позволило архиеп. Никанору обосновать возможность такой «позитивной философии», которая признавала бы реальность сверхчувственного бытия (Бога и бессмертной души).

Следует при этом отметить, что именно онтология и теория познания архиеп. Никанора оказываются основой критики идеи тотального прогресса. Истоки критики прогресса кроются у архиеп. Никанора в различении рассудка и разума («понятия» и «идеи»). Это различие опирается на то, что рассудок и разум имеют разные интенции в онтологическом плане: рассудок ориентирован на «внешнее» бытие (стремящееся к «абсолютному небытию»), а разум — на «внутреннее» бытие (стремящееся к «абсолютному бытию»).

Архиеп. Никанор начинает свое исследование с вопросов об особенностях чувственного познания и о реальности познаваемого. Решение этих вопросов привело его к выводу о прирожденности предмета познания «внутренним душевным чувствам» — разуму и совести. Далее архиеп. Никанор обосновывал онтологический статус предмета познания — идеи-эйдоса. Эти эйдосы, конкретные формы ограниченного бытия, по архиеп. Никанору, представляют собой «продукт самоограничения единого абсолютного бытия абсолютным небытием»⁶. При этом, в аспекте вездесущности абсолютного бытия, которое является, по архиеп. Никанору, «творческим разумом... зиждительною идеею, силою и благодатью»⁷, идеи оказываются прирождены и человеческому разуму. Процесс (по сути, интуитивного) выявления этих идей представляет собой истинный путь познания.

«Идеям» разума архиеп. Никанор противопоставляет «понятия» рассудка, поскольку рассудок способен лишь на абстрактное, отвлеченное, «внешнее» мышление: «понятие есть ограничение отражения предмета в нашем сознании; а идея есть безусловная, бесконечная, адекватная бытию предмета полнота его представления в нашей душе. Понятие есть ограничительное совокупление некоторых важнейших признаков предмета; а идея есть беспредельная концепция всего беспредельного множества всех свойств каждого предмета»⁸. В этом смысле рассудок, замыкаясь в понятии, не способен подняться до истины, до идей разума⁹.

⁵ Леонтьев. Указ. соч. С. 150.

⁶ *Никанор (Бровкович), архиеп.* Позитивная философия и сверхчувственное бытие. СПб., 1876. Т. 2. С. 42.

⁷ Там же. 398.

⁸ Там же. СПб., 1888. Т. 3. С. 296–297.

⁹ Об исследованиях, посвященных трактату «Позитивная философия и сверхчувственное бытие» и философии архиеп. Никанора, см. статью: *Соловьев А. П.* Оценка философских идей архиеп. Никанора (Бровковича) в историко-философских исследованиях кон. XIX–XX в. // Методологический семинар Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте РБ: Сб. материалов / И. В. Фролов, ред. Уфа, 2012. Вып. 1. С. 37–57. Среди современных исследований следует выделить следующие работы, специально затрагивающие вопросы онтологии и теории познания у архиеп. Никанора: *Абрамов А. И.* Философия в духовных академиях (традиции платонизма в русском духовно-академическом философствовании) // Вопросы философии. 1997. № 9. С. 138–155; *Карасева С. Г.* Религиозно-метафизические

Именно в плане противоположения разума (стремящегося к истине, к абсолютному бытию) и рассудка (стремящегося к абсолютному небытию) архиеп. Никанор обнаружил взаимосвязь между отпадением человека от абсолютного бытия и увлечением человека чувственно-рассудочным познанием и субъективизмом в познании. Так, с точки зрения архиеп. Никанора, процесс совершенствования человека связан с «идеальным» разумным познанием. Но человек в своем увлечении «внешним» познанием и научным прогрессом «разрушает весь не только умственный, но и нравственный и социальный строй человечества»¹⁰. Архиеп. Никанор подразумевал, что увеличение знаний о внешнем мире ничего не дает для нравственного развития человека.

Более того — праздное любопытство («внешнее», рассудочное) и отвлекает человека от совершенствования своего духовного мира, и приводит к его деградации, саморазрушению: «Много ли пользы принесло человечеству открытие, что луна изрыта потухшими вулканами, а у полюсов на Марсе громоздятся льды, как и на земле? Или что масса солнца весит столько-то пудов, а плотность земли у центра земного шара достигает такой-то величины? Но усилие, хотя и бесплодное, современной философской ученой и дилетантской интеллигенции отрезать умы всего человечества от внушений внутреннего чувства и идеального разума, — оно не только превратно, но и губительно... Оно изгонит, как и изгоняет из мира всякую возвышенную любовь и самоотвержение, всякую надежду, всякую поэзию, всякие идеалы жизни. Оно понизит не только общий душевный, но и умственный уровень. Оно принизит род людской до одичания, до сознатель-

основания мировоззрения А. И. Бровковича (архиепископа Никанора). Дис. ... канд. филос. наук. Минск, 2000; *Пишун С. В.* Эйдосная типологизация бытия арх. Никанором (опыт реконструкции) // *Христианство на Дальнем Востоке*. Владивосток, 2000. Ч. 2; *Степанова <Борисова> С. Г.* Категории «понятие» и «идея» в гносеологической концепции арх. Никанора (А. И. Бровковича) // *Философское образование на Дальнем Востоке: история, теория, практика*. Владивосток, 2000; *Она же.* Чувства в гносеологической концепции арх. Никанора (Бровковича) // *Проблемы славянской культуры и цивилизации*. Уссурийск, 2000. Вып. 2.; *Карасева С. Г.* Теистическая метафизика архиеп. Никанора (А. И. Бровковича) // *VI Международные Кирилло-Мефодиевские чтения* (Минск, 25–26 июня 2000 г.): *Материалы*. Минск, 2001. Ч. 1. Кн. 2. С. 102–106; *Борисова С. Г.* Философско-религиозное учение арх. Никанора (А. И. Бровковича) (опыт системной реконструкции и интерпретации). Дис. ... канд. филос. наук. М., 2002; *Гуныкин И. В.* Онтология в русском духовно-академическом теизме XIX века. Дис. ... канд. филос. наук. Уссурийск, 2006; *Поль В. А.* Философский теизм в Казанской Духовной академии (опыт системной реконструкции и интерпретации). Дис. ... канд. филос. наук. Уссурийск, 2007; *Карасева С. Г.* Религиозная метафизика архиеп. Никанора (Бровковича): историко-культурные предпосылки и основное содержание // *Вопросы религии и религиоведения*. Вып. VII: *Религиоведение Беларуси: Сб. Ч. 2: Очерки истории религиозно-философской мысли Беларуси (актуальные проблемы кон. XX — нач. XIX в.)* / Н. А. Кутузова, А. А. Лазаревич, В. В. Шмидт, сост., ред. М., 2011. С. 476–485. Некоторые аспекты онтологии и теории познания архиеп. Никанора затрагиваются в обзорной статье: *Гаврюшин Н. К.* «Меня официально провозгласили неправославным»: архиепископ Никанор (Бровкович) // *Русское богословие: Очерки и портреты*. Н. Новгород, 2011. С. 251–283. См. также исследование, специально посвященное возможности интерпретации философии архиеп. Никанора как онтологической гносеологии: *Соловьев А. П.* «Синтетическая философия» архиепископа Никанора (Бровковича) — опыт онтологической гносеологии XIX в. // *Вопросы философии*. 2012. № 10. С. 129–139.

¹⁰ *Никанор (Бровкович)*. Указ. соч. Т. 3. С. 340.

ного оскотинения»¹¹. Повторим — этот вывод архиеп. Никанора основывается на его гносеологии, на идее о противоположном характере деятельности разума и рассудка.

В аспекте развития философской системы архиеп. Никанора его проповеди, посвященные критике идеи прогресса, дополняли и проясняли отдельные выводы «Позитивной философии и сверхчувственного бытия». Ведь, например, развитие железных дорог не обусловлено праздным любопытством, но тем не менее оно оказывается по преимуществу губительным. И пагубность их заключается именно в том, что распространение железных дорог и идея «социального прогресса» связаны с развитием, расширением и стремлением к удовлетворению чувственно-рассудочных потребностей, «внешних» запросов. При этом архиеп. Никанор понимал, что если идея социального прогресса как начало, ориентирующее человечество на привязанность к материальным благам, к комфорту, является порочной, то демонизировать саму технику неправильно.

Техника плоха как проявление идеи «внешнего» прогресса, как симптом. Но свое знаменитое поучение о железных дорогах архиеп. Никанор все же завершает призывом молить Бога о том, чтобы неизбежное распространение железных путей приносило как можно меньше вреда и как можно больше происходящей от этого пользы: «Вот о чем помолимся: попросим у Господа Бога, чтоб наши, освящаемые молитвою Христовой Церкви, усовершенствованные пути несли нам только свои блага, каких все мы от них чаем: блага высшего просвещения, блага улучшенной культурой жизни; но в то же время и не лишали нас благ, которые составляли коренную основу благосостояния нашего русского народа; чтоб не истощали сокровищницу народной поэзии, не подрывали нашу истинно-святую православную Христову веру, не снимали с нас наше русское обличье и отличие, не сглаживали с нас особенности нашего старо-русского характера, как в духе, так даже и во внешности...»¹²

Признание некоторой практической пользы от достижений технического прогресса проявлялось в непосредственной деятельности архиеп. Никанора. Так, например, возглавляя Уфимскую епархию с конца 1876 г. до начала 1884 г., он инициировал организацию дорожного сообщения между отдельными населенными пунктами Уфимской губернии. Владыка был первым, кто в Уфе организовал телефонную связь (прямой провод между кабинетом в архиерейском доме и зданием духовного управления (консисторией))¹³. Можно приводить множество примеров технического усовершенствования бытовых условий в Саратовской, Полоцкой семинариях, в Казанской духовной академии в период ректорства в них архиеп. Никанора. Но это не помешало ему в первый же (1884) год пребывания на Одесской епископской кафедре произнести речь о том вреде, который приносят железные дороги, порочность которых, повторим, за-

¹¹ *Никанор (Бровкович)*. Указ. соч. Т. 3. С. 340.

¹² Поучение при освящении новых зданий вокзала железной дороги в Одессе, сказанное преосвященным Никанором, епископом Херсонским и Одесским // *Православное обозрение*. 1884. Т. 3. Октябрь. С. 342–343.

¹³ См.: *Зефирова Е. А.* Мои воспоминания о преосвященном Никаноре за время его пребывания на Уфимской кафедре (1877–1884 годы) // *Странник*. 1893. Т. 3. Декабрь. С. 718.

ключалась именно в том, что они являлись проявлением идеи «утилитарного», «внешнего» прогресса.

* * *

Вообще, проблема христианского отношения к прогрессу (христианского понимания прогресса) появляется в русской публицистике с середины XIX в. Невозможно не обратить внимания на попытку дать ответ, отреагировать на эту проблему со стороны церковной.

Можно выделить несколько позиций по данному вопросу в среде церковной и окологерманской — религиозно-философской. Наиболее распространенное и наиболее трезвое мнение заключалось в том, что истоком общественно-го прогресса, понимаемого как гуманизация и научно-техническое совершенствование общества, полагалось само христианство, выдвинувшее идею нравственного совершенствования человека. В рамках такой позиции признавалась возможность социального прогресса при условии первичности нравственного развития человека в духе христианском. Прогресс же, рассматриваемый как бесконечный процесс, как самостоятельная ценность или даже как некая «сакральная» сила, отвергался.

Такая позиция была характерна, например, для журнала «Христианское чтение», где в 1861 г., а затем в 1878 г. выходят статьи с одинаковым названием: «Христианство и прогресс». Автором первой статьи¹⁴ (1861) был преподаватель Санкт-Петербургской Духовной академии Петр Иванович Шалфеев (1829–1862), автор второй статьи¹⁵ (1878) неизвестен (статья подписана «В. В. В.»). Несомненно, тема нравственного отношения христианства к «внешнему» общественному прогрессу была одной из основных в творчестве И. В. Киреевского, что нашло отражение в его статье «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России»¹⁶ (1852).

Обращался к теме прогресса с этих позиций и К. С. Аксаков. Его позиция достаточно близка воззрениям архиеп. Никанора, хотя и не столь последовательно обоснованна. К. С. Аксаков писал: «Человек усиливает, например, средства сообщения, прокладывает железные дороги, по которым почти с баснословною быстротою является он то там, то здесь; но что привезет человек по железным дорогам с такою невероятною быстротою — вот что должно быть (но что уже не есть) главным вопросом. А привозит он истощенную рефлексиями и раздражительными умствованиями душу, фантазирующую мысль, отошедшую от своего чистого логического начала, полное отсутствие нравственной воли, страшное изобилие фраз, иногда горячий ум и всегда холодное сердце: одним словом, ложь всего своего существа. Средства, добытые человеком, огромны, а сам он не лучше, но еще хуже прежнего. Что же станет он делать с этими средствами? Смешно, если на ковре-самолете будут перевозить устрицы, вновь выдуманные пирожки, булабочки и т. п.»¹⁷.

¹⁴ Христианское чтение. 1861. Ч. 1. С. 1–51.

¹⁵ Христианское чтение. 1878. Ч. 1–2. С. 117–135.

¹⁶ Киреевский И. В. Разум на пути к Истине. М., 2002. С. 151–213.

¹⁷ Аксаков К. С. О современном человеке // Он же. Государство и народ. М., 2009. С. 239.

Близки этим рассуждениям и воззрения И. С. Аксакова, изложенные в статьях «Русский прогресс и русская действительность»¹⁸ (1862), «Цивилизация и христианский идеал»¹⁹ (1883), «Ответ на рукописную статью “Христианство и прогресс”», присланную в редакцию газеты “Русь”»²⁰ (1886) и др.

Жесткая позиция по отношению к идее общественного прогресса была характерна для Н. В. Гоголя: «...как только явились города, сами собой явились дороги: сами же частные люди и завели их без всякого пособия правительств, и теперь развилось их такое множество, что стали уже серьезно задавать друг другу вопросы: “Зачем эта скорость сообщений? что выиграло человечество через эти железные и всякие дороги, что приобрело оно во всех родах своего развития и что пользы в том, что один город теперь обеднел, а другой сделался толкучим рынком да увеличилось число празднующихся по всему миру?”»²¹.

Те же критические идеи можно обнаружить и у К. Н. Леонтьева, и у некоторых других консервативных мыслителей второй половины XIX в. Их позиция объясняется не только общим характером их «охранительства», но и пониманием того, что идея автономного прогресса, прогресса технического имеет своим истоком европейские внецерковные, а зачастую и антицерковные учения, чуждые русской православной традиции.

Иная позиция, исходившая из либеральных околоцерковных кругов, может быть охарактеризована таким образом: христианство было началом прогресса, но «клерикализм» стал силой, тормозящей общественный прогресс, следовательно, для того чтобы общественное развитие продолжалось в истинно христианском духе, необходимо устранить или реформировать (в направлении ограничения прав) консервативные черты церковной жизни — монашество и церковную иерархию. Такая позиция высказывалась В. С. Соловьевым в реферате «Об упадке средневекового мирозерцания»²² (1891) и в прениях по нему. Близкие идеи высказывались автором рукописи «Христианство и прогресс», которой дал критическую оценку И. С. Аксаков²³.

* * *

Воззрения архиеп. Никанора на общественный прогресс (и на технический в особенности) занимают особое место среди этих направлений, поскольку именно его воззрения были более обоснованы с теоретико-философских позиций. Необходимо обратить внимание на то, что проблеме прогресса у архиеп. Никанора посвящено не только уже не раз упоминавшееся поучение 1884 г.

¹⁸ Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России. М., 2002. С. 128–131.

¹⁹ Там же. С. 773–784.

²⁰ Там же. С. 796–811.

²¹ Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями // Он же. Нужно любить Россию. М., 2008. С. 352. По свидетельству современников, Гоголь резко отрицательно относился к нововведениям: «Говорили об открытиях. Он бранил лампы. Я сказала: “А сколько нововведений на моей памяти! шоссе и дилижансы от Москвы до Петербурга, стеарин, дагерротип”. Гоголь: “И на что все это надобно? Лучше ли от этого люди? Нет, хуже!”» (Русский архив. 1902. № 3. С. 549. Цит. по: Гоголь. Нужно любить Россию... С. 629).

²² Соловьев В. С. Избранное. М., 1990.

²³ См.: Аксаков. Отчего так нелегко... С. 796–784.

при освящении одесского вокзала, но и поучение «К первому дню нового года» («Почтение на новый (1860) год. Христианство и прогресс»)²⁴.

Данное поучение под названием «К первому дню нового года» впервые было напечатано в журнале Казанской духовной академии «Православный собеседник» в 1870 г. Однако в самом поучении есть указания на то, что оно было подготовлено в конце 1859 г. Также на 1860 г. как год произнесения поучения указывает и то, что оно было включено в первый том собрания поучений архиеп. Никанора (Одесса, 1884. С. 1–15) под названием «Почтение на новый (1860) год. Христианство и прогресс». Следует добавить, что, скорее всего, поучение произносилось архиеп. Никанором в одном из храмов Саратова. И с большой долей вероятности можно утверждать, что это событие происходило в церкви Саратовской духовной семинарии, ректором которой и был в то время архиеп. Никанор (в сане архимандрита).

Почтение архиеп. Никанора «Христианство и прогресс» включено Я. Н. Колубовским в перечень работ архипастыря, имеющих «к философии более или менее близкое отношение»²⁵. Это примечательно, поскольку, например, поучение при освящении вокзала не было включено в этот перечень. Колубовский, кратко характеризуя поучение архиеп. Никанора 1860 г., выделял ту его идею, что истоком учения о прогрессе являются такие философские направления, как пантеистический идеализм и механистический материализм²⁶. Специальной критике этих направлений посвящено у архиеп. Никанора поучение «Сравнительное значение христианской дуалистической и современно-научной монистической системы мировоззрения», произнесенное в 1885 г. на Рождество Христово в Одесской семинарии²⁷. Однако, как видно из саратовского поучения 1860 г., центральная его тема — это православная социально-философская критика ожидания царства всеобщего земного благополучия, которое якобы может появиться в результате социального прогресса. В этой идее данное поучение напрямую смыкается как с общей темой его поучения о железных дорогах 1884 г., так и с леонтьевской критикой идеи либерально-утилитарного прогресса.

Относительно полного текста поучения архиеп. Никанора 1884 г. нужно отметить, что автограф его первого чернового варианта сохранился в личном фонде архиеп. Никанора в Государственном архиве Одесской области (далее — ГАОО). Этот архивный фонд состоит в настоящее время из шести дел, каждое из которых представляет собой собранные под одним твердым переплетом тетради (с листами формата 22×9 см) с рукописными текстами воспоминаний, черновиков писем, поучений и философских произведений.

²⁴ *Никанор (Бровкович), архиеп.* К первому дню нового года (Почтение на новый (1860) год. Христианство и прогресс) // *Православный собеседник.* 1870. Т. 1. С. 66–79.

²⁵ *Колубовский Я. Н.* Материалы для истории философии в России // *Вопросы философии и психологии.* 1891. № 4 (Кн. 8). С. 124.

²⁶ *А. Н. [Никанор (Бровкович), архиеп.]* К первому дню нового года // *Православный собеседник.* 1870. Т. 1. С. 78.

²⁷ *Почтения, беседы, речи, воззвания и послания Никанора, Архиепископа Херсонского и Одесского.* Одесса, 1890. Т. 5. С. 539–553.

Что касается истории архивного фонда, то после кончины архиеп. Никанора его личный архив хранился у прот. С. В. Петровского, настоятеля Спасо-Преображенского кафедрального собора г. Одессы. Благодаря усилиям отца Сергия значительная часть архива была опубликована. Но после 1915 г. архивные материалы архиеп. Никанора перестают издаваться²⁸, и следы архива теряются до 1930 г., то есть до момента, когда фонд в количестве 85 единиц хранения²⁹ оказывается в Окружном архиве Одессы (позже — ГАОО). Следующая информация относится к послевоенному периоду, когда по акту проверки наличия и состояния документальных материалов архивного фонда (Ф. 196: «Никанор (Бровкович) архиепископ Херсонский и Одесский») от 7 августа 1950 г. в фонде указывается наличие только шести единиц хранения вместо 85³⁰. А в акте о недостатке документальных материалов от 30 января 1954 г. констатируется, что 79 единиц хранения «утрачены во время войны»³¹.

Но, как уже было отмечено выше, в одном из дел фонда, сохранившемся в ГАОО, есть автограф черновика рукописи поучения на вокзале³². Текст этого варианта короче опубликованного в «Православном обозрении», однако он содержит небольшие отрывки, которые не вошли в итоговый вариант текста. Можно предположить, что второй рукописный вариант поучения оказался в следующем деле, которое было утрачено вместе с прочими 79 единицами хранения. Дата и место написания сохранившегося черновика вокзального поучения могут быть установлены точно — 21 и 22 июня 1884 г. в Одесском Свято-Успенском монастыре³³.

Отрывки, которые не попали в журнальный вариант текста, имеют определенное значение для уточнения воззрений архиеп. Никанора на прогресс в целом и на навязывание России необходимости технического прогресса со стороны Европы. В деле № 63 на 756-м листе вертикальной линией перечеркнут следующий текст: «Оттого, главным образом Русь и бедна, что для заверения своего положения великой европейской державы издержки должны нести она громадные, а многие средства для удовлетворения своего положения она вынуждена приобретать через другие народы»³⁴. Другой отрывок, удивительным образом созвучный идеям К. Н. Леонтьева, находится в той части текста поучения, где в итоге будет находиться рассуждение о железных дорогах как о «всемирной паутине». Этот исключенный в итоге отрывок выглядит таким образом: «Где земля преобразена оголяющими окрестность прямыми линиями железных дорог, там поэзия должна исчезнуть и исчезает; там улетает куда-то в неведомые страны всякая поэтическая талантливость, там становится гладко и ясно, как прямая линия. Там начинается и уравнение умов, которое кончится непременно пони-

²⁸ В «Русском архиве» в 1915 г. была опубликована переписка архиеп. Никанора с К. П. Победоносцевым.

²⁹ ГАОО. Дело фонда № 196 «Никанор (Бровкович), архиепископ Херсонский и Одесский». Л. 1.

³⁰ Там же. Л. 3.

³¹ Там же. Л. 5.

³² ГАОО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 63. Л. 712–724, 754–783.

³³ Там же. Л. 712, 754.

³⁴ Там же. Л. 756.

жением, принижением-измельчением духа подобно тому, как воды многоводной некогда реки должны измельчать, разлившись по широким полянам»³⁵.

Помимо черновика поучения, известны и некоторые детали истории поучения на одесском вокзале — их можно обнаружить в переписке архиеп. Никанора с обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым. В письме от 30 января 1885 г. (спустя полгода после события) архиеп. Никанор сетовал на неприязненное отношение к нему со стороны генерал-губернатора Одессы Х. Х. Роопа. В частности, архиеп. Никанор писал: «Просили меня освятить ново-открытый вокзал железной дороги. Съезд назначен был в 1 час. Я прибыл за 2 минуты. Но генерал-губернатор за 5. Я произнес за молебном проповедь, сократив ее больше чем наполовину. По совершении молебна разоблачаюсь с возможною быстротою. Разоблачившись, подхожу и почтительно кланяюсь г[осподину] генерал-губернатору. Тот, ответив на поклон и не сказав мне ни слова приглашения, поворотил ко мне спину и пошел осматривать освященное здание. Все за ним ушли. Я остался только с духовенством православным и иноверным и тотчас уехал. Никто из хозяев не сказал мне слова приветия и благодарности. Слышу впоследствии, генерал-губернатор шумит, что “архиерей должен приезжать прежде, он знает расписание, сроки богослужения объявляются”. Оказалось, что генерал-губернатор объявляет приказы, что “обедня начнется в 10 час.”, когда от нас объявляется, что звон к обедне в 9 час... Говорят он требует, чтоб эти его объявления посылались ко мне, к исполнению. До сих пор не посылались по деликатности посредствующих...»³⁶ Возможно, этот личный опыт неуважительного отношения со стороны прогрессистски настроенных представителей светской власти еще больше способствовал укреплению антипрогрессистских убеждений архиеп. Никанора.

* * *

Вполне допустимо предположить, что на отношение к железным дорогам и в целом к преодолению пространств повлиял в том числе и разнообразный личный, бытовой опыт переездов архиеп. Никанора, который после нескольких лет преподавания в Санкт-Петербургской духовной академии был перемещен ректором в Рижскую семинарию (1856), затем в Саратовскую семинарию (1858), откуда переведен в Петербург и назначен в Полоцкую семинарию (в Витебске (1865)), затем переведен в 1868 г. на ректорство в Казанскую духовную академию и далее, в 1871 г., в Петербурге рукоположен в епископа Аксайского, Донского викария. Из Петербурга в 1871 г. архиеп. Никанор отбыл в Новочеркасск, в 1877 г. переехал в Уфу, из Уфы в 1884 г. — в Одессу, а в 1886–1887 гг. его вызывали из Одессы на присутствие в Синод. Все эти перемещения перемежались ежегодными объездами архиеп. Никанором тех епархий, которые он возглавлял. Среди автобиографических записок архиеп. Никанора есть описание отдельных дета-

³⁵ ГАОО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 63. Л. 775.

³⁶ Переписка К. П. Победоносцева с Никанором, архиепископом Херсонским // Русский архив. 1915. Т. 2. С. 383.

лей переезда из Риги в Саратов³⁷ и из Новочеркасска в Уфу³⁸. Есть и обширный материал, касающийся поездок владыки Никанора по Уфимской епархии. Все эти документы показывают преимущественно негативный характер впечатлений от подобных перемещений у архиеп. Никанора.

В 1858 г. архимандрит Никанор (Бровкович) был переведен с ректорского места в Рижской духовной семинарии на ректорство же в семинарию Саратова. Тогда отец Никанор ехал в Саратов через Петербург и Москву. Из Риги в Петербург он путешествовал на почтовой карете. Причем отец Никанор писал, что «самым замечательным явлением в моей Рижско-Петербургской дороге были мои спутники...»³⁹ Спутниками же были несколько французов и обрусевших немцев. Они все были крайне предупредительны и любезны по отношению к православному священнослужителю, несмотря на то что среди них был один католик и несколько протестантов⁴⁰. Негативным моментом дороги была, как это обычно бывает, сама дорога: отсутствие провианта по пути, невозможность застнуть, необходимость выходить из кареты в тех случаях, когда она застревала в грязи (ранняя весна была теплой в Прибалтике, а карета оказалась санной)⁴¹.

Архиеп. Никанор особо отмечал ту небрежность, с какой обращался почтовый служащий к нему как священнослужителю на почтовой станции в Петербурге при оформлении приезда пассажиров. Владыка описывал это так: «Принимал нас здесь какой-то мелкий чиновник... С пошло-солдатским раболепием и суетливостью обращается он к одному моему спутнику... Так перебрал он человек трех моих спутников, не обращая на меня ни малейшего внимания... теперь на очереди лежал мой билет. Что же? Мой чиновник хладнокровно положил его под низ всех билетов и раболепно спрашивает хозяина следующего за моим билета. Тот расписывается, получает свои вещи, уезжает, и так до последнего... Остаюсь я. “Это ваш билет?”, переменяв тон с раболепно-услужливого на холодный канцелярский, спрашивает меня мой чиновник. “Мой”, отвечаю я. — “Священника-то вы последним и заметили”... “Где же вы тут записаны?” продолжает спрашивать меня этот джентльмен. Я указываю, — как раз на первом месте списка значится: “Архимандрит Никанор”. “Вы священник”, продолжает он, не торопясь, спрашивать меня. “Архимандрит”, отвечаю я. “Распишитесь”, говорит он хладнокровно»⁴². Архиеп. Никанору вообще приходилось неоднократно сталкиваться с таким отношением со стороны чиновников.

Из Петербурга в Москву архим. Никанор отправился по железной дороге во втором классе. Что знаменательно — особое внимание 32-летний архимандрит опять же уделяет своим спутникам, которых он «своим постничеством изумил»⁴³.

³⁷ *Никанор (Бровкович), архиеп.* Переезд из Риги в Саратов // Никанор (Бровкович): Биографические материалы... Т. 1. С. 283–324.

³⁸ *Никанор (Бровкович), архиеп.* Мой отъезд из Новочеркасска в Уфу. 1877 год // Русский архив. 1906. Т. 2 (май). С. 117–144.

³⁹ *Никанор (Бровкович).* Переезд из Риги... С. 284.

⁴⁰ Там же. С. 283–285.

⁴¹ Там же. С. 285.

⁴² Там же. С. 286.

⁴³ Там же. С. 301. (Как указывает сам владыка Никанор, поездка совершалась в начале Великого поста.)

Из особых недостатков этого путешествия преосв. Никанор выделил холод, который сопровождал весь переезд. То же было и при дальнейшей поездке из Москвы в Рязань, далее в Тамбов, а затем вплоть до Саратова. Однако все перемещения после Москвы производились на извозчиках, с чем и были связаны все дорожные перипетии.

О своем послемосковском переезде владыка Никанор писал: «Тут я очутился лицом к лицу с русскою природою: с низкопоклонную дерзостью ямщиков, с прескверными станциями, с крайне разбитою дорогою так, что меня беспрерывно перебрасывало с боку на бок; с пустынными, за Рязанью — даже с степными видами... с сильными холодами так, что я, закутанный в несколько шуб, промерзал до внутренностей, и в добавок, с великим постом»⁴⁴. Владыка описывал, как его укачивало на изрытых колдобинами дорогах до такой степени, что он не мог ни есть, ни спать: «...если бы судьбе угодно было бросить меня примерно в Иркутск, я не доехал бы, — умер бы на дороге от голода и бессонницы»⁴⁵.

Полноту картины тяжести переезда дополняют несколько историй, произошедших с архим. Никанором в дороге. Все эти истории так или иначе связаны с поломками транспорта и обманом извозчиков, вымоганием денег с путешественника за скорость, за ремонт, за осторожность езды. По поводу одной из подобных историй владыка Никанор заключает: «Только звоном кошелька я размягчил не без труда эту черствость: убедил старосту за тройную плату довезти меня до почтовой станции, щедро расплатившись и с негодеем — прежним моим извозчиком, убив на эти унижительные переговоры до трех часов времени, натерпевшись на открытом воздухе холода, в избах нанюхавшись зловония, перечувствовав тысячи опасений... Сколько гадкого в русском человеке!»⁴⁶.

Эту поездку архиеп. Никанора в 1858 г. стоит сравнить с его переездом из Новочеркасска в Уфу в 1877 г., когда он с Донского викариата был переведен в Уфимскую епархию. Следует при этом обратить внимание на то, что общим моментом поездок являлось зимнее время. Но в 1858 г. поездка происходила в первые недели Великого Поста, а в 1877 г. — на Сыропустной седмице, на Масленицу. В Уфу владыка Никанор прибыл вечером Прощеного воскресенья.

Из Новочеркасска владыка выехал уже будучи 50-летним епископом, доктором богословия. Основную часть дороги (до Бузулука Оренбургской губернии) владыка ехал поездом, в вагоне первого класса. Провожающие снабдили архиеп. Никанора провиантом в дорогу. Кроме того, его сопровождал келейник Артемий, без которого архиеп. Никанору было бы сложно справиться с дорожными тяготами продолжительного зимнего путешествия. Длительность поездки увеличивалась за счет того, что поезд часто останавливался, поскольку железнодорожники расчищали пути от снежных заносов⁴⁷. Собственно отказ от продолжения движения по железной дороге после Бузулука был связан с тем, что под Бугурусланом и Бугульмою свирепствовали такие бураны, что железнодо-

⁴⁴ *Никанор (Бровкович), архиеп.* Переезд из Риги... С. 311.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 317.

⁴⁷ *Никанор (Бровкович), архиеп.* Мой отъезд из Новочеркасска в Уфу... С. 139.

рожные пути завалило снегом толщиной в несколько саженей⁴⁸. Сама поездка на поезде в то время по данному маршруту предполагала несколько пересадок, что, несомненно, было утомительно. Тем более что поезда из-за снежных заносов опаздывали. Это означало длительное ожидание на вокзале и постоянные объяснения с железнодорожными служащими, некоторые из них не выказывали никакого уважения к архиерейскому сану.

Курьезно-неприятная история произошла с владыкой Никанором на одной из станций Саратовской губернии. Его келейник Артемий как прислуга ехал в другом вагоне, потому владыка просил заходить его наведывать на станциях. На одной из остановок Артемий зашел и, увидев, что архиерей спит, вышел из вагона. А станционные служащие приняли его за вора. Несмотря на то, что ситуацию прояснил сам архиеп. Никанор, был наложен штраф — 5 руб. 90 коп. Владыка сделал запись в жалобную книгу, которую ему выдали «неохотно»⁴⁹. Было еще несколько случаев при переезде, когда приходилось сталкиваться с железнодорожным начальством. Относительно этих ситуаций был сделан вывод: «Одним словом, священника всюду готовы оскорбить, пока не разберут, что тузом пахнет»⁵⁰.

В отношении же скорости езды владыка всегда высказывался, что «*смысл едет*», что означало «скачущий на лошади бессмысленный человек — безумный»⁵¹. Ключарь уфимского Воскресенского собора священник Василий Иванович Покровский, постоянный спутник владыки Никанора, рассказывал: «Преосвящ. Никанор не любил ездить быстро на лошадях, а всегда почти тихо <...> и мне (ключарю) с ним всегда из-за этого доводилось препираться дорогой и понукать ямщика, чтобы не нарушить маршрута <...> Во время самих поездок преосвященный любил ходить пешком и идет верст пять, иногда нарочито останавливался на живописных местах <...> и подолгу любовался красотами природы, иногда приходил в непонятный восторг и от умиления, как все в мире Божиим прекрасно, слезно плакал»⁵².

Вероятно, негативные впечатления от переездов (и чувство — что «смысл едет»), сочетаясь с поэтической натурой архипастыря и (что наиболее важно) — с его теоретико-философскими воззрениями на онтологически обоснованное различие между разумом и рассудком, на пагубность «утилитарного», «внешнего» прогресса, раскрылись архиеп. Никанором в одесском поучении при освящении железнодорожного вокзала 1884 г.

При этом данный текст остается до сих пор практически вне поля внимания исследователей, как и проблема прогресса в философии архиеп. Никанора в целом.

⁴⁸ *Никанор (Бровкович), архиеп.* Мой отъезд из Новочеркасска в Уфу... С. 140. Согласно указанию императора Николая I от 11 октября 1835 г. «О системе российских мер и весов», длина сажени была приравнена к 7 английским футам (=2,1336 м).

⁴⁹ Там же. С. 137.

⁵⁰ Там же. С. 138.

⁵¹ *Зефирова Е. А.* Мои воспоминания о преосвященном Никаноре за время его пребывания на Уфимской кафедре (1877–1884 гг.) // *Странник.* 1893. Т. 3 (октябрь). С. 309.

⁵² Там же.

Выше было уже указано, что особое внимание на «вокзальное поучение» архиеп. Никанора обратили лишь К. Н. Леонтьев и П. Е. Астафьев. В дальнейшем исследователи философского учения архиеп. Никанора сконцентрировались на анализе его основного философского труда — трактата «Позитивная философия и сверхчувственное бытие». Это восприятие архиеп. Никанора как «философа одного трактата» характерно для работ отца Александра Воронцова⁵³, А. А. Никольского⁵⁴, Б. В. Яковенко⁵⁵ и отца Василия Зеньковского⁵⁶.

Можно было бы ожидать, что отношение к поучениям архиеп. Никанора в целом изменилось в современных исследованиях, но, к сожалению, это не так. Конечно же требование полноты использования источников вынуждает исследователей обращаться и к гомилетическому наследию владыки Никанора, однако в значительной степени такое обращение носит формальный характер. Некоторым исключением из этой тенденции является диссертация С. Г. Борисовой, где есть раздел, посвященный социально-философским и историософским воззрениям архиеп. Никанора⁵⁷. Правда, и здесь вопрос об оценке прогресса у архиеп. Никанора не ставится, автор диссертации поучения о прогрессе в тексте не упоминает и не ссылается на них.

Вполне объяснимо, что в работах, посвященных исключительно онтологии и теории познания архиеп. Никанора, отсутствует анализ данных поучений⁵⁸. Однако, например, в статье Н. К. Гаврюшина⁵⁹, посвященной обзору жизненных и идейных богословско-философских перипетий судьбы владыки Никанора, проигнорирован вопрос об отношении архиерея-философа к проблеме прогресса. Очевидно, что работа, имеющая своей целью дать общее критическое представление о философско-богословских воззрениях мыслителя, должна учитывать

⁵³ *Воронцов А. А., прот.* Метафизика преосвященнейшего Никанора, Архиепископа Херсонского и Одесского. Казань, 1900. С. 1–54, I–II.

⁵⁴ *Никольский А. А.* Философские воззрения Никанора (Бровковича), архиепископа Херсонского // Вера и разум. 1901. № 16, 17, 19, 20.

⁵⁵ *Яковенко Б. В.* История русской философии. М., 2003. С. 290–291.

⁵⁶ *Зеньковский В. В., прот.* История русской философии. М., 2001. С. 522–532.

⁵⁷ *Борисова.* Философско-религиозное учение арх. Никанора... С. 115–132.

⁵⁸ Практически все перечисленные выше исследования, посвященные философии архиеп. Никанора, концентрируют внимание на его онтологии и теории познания, то есть на его главном философском трактате «Позитивная философия и сверхчувственное бытие». Помимо диссертации С. Г. Борисовой, поучения архиеп. Никанора в контексте его социально-философских и этических воззрений рассматривались в следующих работах: *Дмитриев А. П.* Портрет в церковной проповеди как литературно-критический жанр (О «поучениях» архиеп. Никанора) // Русский литературный портрет и рецензия. Концепция и поэтика: Сб. ст. / В. В. Перхин, ред., сост. СПб., 2000. С. 5–16; *Хабидуллин Р. К., прот.* Корифей проповеди // Уфимские епархиальные ведомости. 1995. № 1–4. С. 5–6; *Соловьев А. П.* Социально-философская проблематика в трудах православных мыслителей Уфимского края кон. XIX — нач. XX в. // Социальная политика и социология. 2010. № 8. С. 192–197; *Он же.* Архиепископ Никанор (Бровкович) и К. Н. Леонтьев: конгенность мысли и духа // Христианство и русская литература: Сб. 7. СПб., 2012. С. 185–224. При этом поучения о прогрессе используются и анализируются только в последней из упомянутых статей и только в контексте сопоставления воззрений К. Н. Леонтьева и архиеп. Никанора.

⁵⁹ *Гаврюшин.* Указ. соч. С. 251–283.

и социально-философское учение, которое у владыки Никанора выразилось в поучениях и беседах.

Ключевые слова: философия архиепископа Никанора (Бровковича), критика идеи прогресса, железные дороги, «Позитивная философия и сверхчувственное бытие», архивный фонд архиепископа Никанора (Бровковича).

ARCHBISHOP NIKANOR (BROVKOVICH) AS CRITIC OF PROGRESS AND WELL-WISHER TO THE RAILWAY

A. SOLOV'EV

The author discusses the nineteenth century Russian Orthodox Archbishop Nikanor (Brovkovich) and his views on social and technical progress. Sources of this include: Nikanor's sermon for the New Year of 1860, his sermon at the blessing of the train station at Odessa in 1884, and a few selected pages of the second volume of Nikanor's tractate *Positivistic Philosophy and Super-physical Reality* (1876). In addition, a draft of Nikanor's Odessa sermon exists and is found in the archbishop's personal archive. Two sections of the draft are of essential significance and were later excluded by the author from the final version of his sermon. The author demonstrates how Nikanor, a representative of the world of the ecclesiastical academies attempted to respond to the challenge of progress, discover in it some sort of meaning and reveal its negative aspects. Nikanor worked from a specificgnoseological standpoint, at the root of which is the distinction between mind and intellect, between idea and understanding. According to Nikanor, the need for utilitarian progress is justified by rationalistic preconceptions, especially those of a pantheistic-idealistic and a materialistic nature. The author describes how Nikanor formulated his critique of progress and the railway. He mentions also several of Nikanor's personal motives which determined his aversion to rapid transport. Nikanor was not alone in his rejection of progress. Contemporaries who shared his disposition included leading thinkers of the nineteenth century: N. V. Gogol', P. I. Shalfeev, I. V. Kireevsky, K. S. and I. S. Aksakov, and K. N. Leont'ev. The author concludes that the sermons of Archbishop Nikanor are worthy of further study by students of Russian philosophy.

Keywords: Archbishop Nikanor (Brovkovich), critique of progress, railways, Positivistic Philosophy and Super-physical Reality, archival fund of Archbishop Nikanor (Brovkovich).

Список литературы

1. А. Н. [Никанор (Бровкович), архиеп.]. К первому дню нового года // Православный собеседник. 1870. Т. 1. С. 66–79.
2. Абрамов А. И. Философия в духовных академиях (традиции платонизма в русском духовно-академическом философствовании) // Вопросы философии. 1997. № 9. С. 138–155.
3. Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России. М., 2002.
4. Аксаков К. С. Государство и народ. М., 2009.
5. Борисова С. Г. Философско-религиозное учение арх. Никанора (А. И. Бровковича) (опыт системной реконструкции и интерпретации). Дис. ... канд. филос. наук. М., 2002.
6. Воронцов А. А., прот. Метафизика преосвященного Никанора, Архиепископа Херсонского и Одесского. Казань, 1900.
7. Гаврюшин Н. К. «Меня официально провозгласили неправославным»: архиепископ Никанор (Бровкович) // Русское богословие: Очерки и портреты. Н. Новгород, 2011. С. 251–283.
8. Гоголь Н. В. Нужно любить Россию. М., 2008.
9. Гунькин И. В. Онтология в русском духовно-академическом теизме XIX века. Дис. ... канд. филос. наук. Уссурийск, 2006.
10. Дмитриев А. П. Портрет в церковной проповеди как литературно-критический жанр (О «поучениях» архиеп. Никанора) // Русский литературный портрет и рецензия. Концепция и поэтика: Сб. ст. / В. В. Перхин, ред., сост. СПб., 2000. С. 5–16.
11. Замараев Г. И. Памяти К. Н. Леонтьева // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1 / А. А. Корольков, вступ. ст., А. П. Козырев, сост., послесл., примеч. СПб., 1995. С. 200–207.
12. Зеньковский В. В., прот. История русской философии. М., 2001.
13. Зефирова Е. А. Мои воспоминания о преосвященном Никаноре за время его пребывания на Уфимской кафедре (1877–1884 годы) // Странник. 1893. Т. 3. Октябрь. С. 304–320. Декабрь. С. 717–725.
14. Карасева С. Г. Религиозная метафизика архиеп. Никанора (Бровковича): историко-культурные предпосылки и основное содержание // Вопросы религии и религиоведения. Вып. VII: Религиоведение Беларуси: Сб. Ч. 2: Очерки истории религиозно-философской мысли Беларуси (актуальные проблемы кон. XIX — нач. XX в.) / Н. А. Кутузова, А. А. Лазаревич, В. В. Шмидт, сост., ред. М., 2011. С. 476–485.
15. Карасева С. Г. Религиозно-метафизические основания мировоззрения А. И. Бровковича (архиепископа Никанора). Дисс. ... канд. филос. наук. Минск, 2000.
16. Карасева С. Г. Теистическая метафизика архиеп. Никанора (А. И. Бровковича) // VI Международные Кирилло-Методиевские чтения (Минск, 25–26 июня 2000 г.): Материалы Чтений. Минск, 2001. Ч. 1. Кн. 2. С. 102–106;
17. Киреевский И. В. Разум на пути к Истине. М., 2002.
18. Колубовский Я. Н. Материалы для истории философии в России // Вопросы философии и психологии. 1891. № 4 (Кн. 8). С. 122–133.
19. Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений: В 12 т. СПб., 2007. Т. 8. Кн. 1.
20. Никанор (Бровкович), архиеп. К первому дню нового года (Поучение на новый (1860) год. Христианство и прогресс) // Православный Собеседник. 1870. Т. 1. С. 66–79.
21. Никанор (Бровкович), архиеп. Мой отъезд из Новочеркасска в Уфу. 1877 год // Русский архив. 1906. Т. 2 (май). С. 117–144.
22. Никанор (Бровкович), архиеп. Позитивная философия и сверхчувственное бытие. СПб., 1876. Т. 2.

23. *Никольский А. А.* Философские воззрения Никанора (Бровковича), архиепископа Херсонского // Вера и разум. 1901. № 16. С. 105–131. № 17. С. 181–202. № 19. С. 259–280. № 20. С. 297–332.
24. Переписка К. П. Победоносцева с Никанором, архиепископом Херсонским // Русский архив. 1915. Т. 2. С. 335–384.
25. *Пишун С. В.* Эйдосная типологизация бытия арх. Никанором (опыт реконструкции) // Христианство на Дальнем Востоке. Владивосток, 2000. Ч. 2. С. 29–30.
26. *Поль В. А.* Философский теизм в Казанской Духовной Академии (опыт системной реконструкции и интерпретации). Дис. ... канд. филос. наук. Усурийск, 2007.
27. Поучение при освящении новых зданий вокзала железной дороги в Одессе, сказанное преосвященным Никанором, епископом Херсонским и Одесским // Православное обозрение. 1884. Т. 3. Октябрь. С. 342–343.
28. Поучения, беседы, речи, воззвания и послания Никанора, Архиепископа Херсонского и Одесского. Одесса, 1890. Т. 5. С. 539–553.
29. *Соловьев А. П.* Оценка философских идей архиеп. Никанора (Бровковича) в историко-философских исследованиях кон. XIX–XX в. // Методологический семинар Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте РБ: Сборник материалов / И. В. Фролов, ред. Уфа, 2012. Вып. 1. С. 37–57.
30. *Соловьев В. С.* Избранное. М., 1990.
31. *Соловьев А. П.* «Синтетическая философия» архиепископа Никанора (Бровковича) — опыт онтологической гносеологии XIX в. // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 129–139.
32. *Соловьев А. П.* Архиепископ Никанор (Бровкович) и К. Н. Леонтьев: конгениальность мысли и духа // Христианство и русская литература. Сб. 7. СПб., 2012. С. 185–224.
33. *Соловьев А. П.* Социально-философская проблематика в трудах православных мыслителей уфимского края кон. XIX — нач. XX в. // Социальная политика и социология. 2010. № 8. С. 192–197.
34. *Степанова <Борисова> С. Г.* Категории «понятие» и «идея» в гносеологической концепции арх. Никанора (А. И. Бровковича) // Философское образование на Дальнем Востоке: история, теория, практика. Владивосток, 2000.
35. *Степанова <Борисова> С. Г.* Чувства в гносеологической концепции арх. Никанора (Бровковича) // Проблемы славянской культуры и цивилизации. Усурийск, 2000. Вып. 2.
36. *Хабидуллин Р. К., прот.* Корифей проповеди // Уфимские епархиальные ведомости. 1995. № 1–4. С. 5–6.
37. *Яковенко Б. В.* История русской философии. М., 2003.